

УДК 81.1

РЕВЕРСИВНОСТЬ КАК МОДЕЛЬ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

И. В. Чекулай
О. Н. Прохорова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
chekulai@bsu.edu.ru
prokhorova@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается проблема реверсивности как лингвистического феномена, способствующего формированию языковой картины мира. Авторы показывают, что реверсивность представляет собой универсальное явление, характерное для всех рассматриваемых языков и представленное специфическими языковыми структурами в определённом языке.

Ключевые слова: реверсивность, языковые уровни, языковая картина мира.

Многообразие человеческих языков можно сравнить разве что с многообразием животных и растений на Земле. Что касается флоры и фауны, то учёные уже давно нашли ту общую точку пересечения, которая позволяет связать в единую цепь мироздания такие внешне разные вещи, как амёба, тигр, лилия, дуб, кальмар, шимпанзе, черепаха, клоп и т. п. Как известно, таким методологическим объединителем этих разных с точки зрения повседневного мышления явилась клеточная теория Шлейдена-Шванна. Но вот языкознанию с такой универсальной методологической базой не повезло. Сравнительно-исторические и типологические исследования направлены скорее на поиск дифференциальных черт различных языковых кодов, нежели на какие-то характеристики универсального характера, которые позволяли бы подвести некоторую общую теоретическую базу под описание различных, разноструктурных, имеющих различные генетические корни языков.

Казалось бы, давно пора лингвистам сложить оружие и признать принципиальную несопоставимость различных языковых кодов, если бы постоянно не всплывал один и тот же вопрос, зачастую формулируемый людьми, далёкими от лингвистики: что же позволяет людям, воспитанным в различных общественно-исторических условиях, обладающим различными культурными ценностями и пользующимся в общении разными семиотическими кодами, достигать взаимопонимания, приходиться к взаимовыгодным решениям, осознавать чужие ценности? На наш взгляд, люди разных национальностей и рас, живущие в разных частях света, имеют не только общие биологические параметры, но и определенные механизмы познания действительности и структурных связей между различными элементами этой действительности, которые в той или иной мере отражаются и в общих механизмах языкового структурирования этих знаний.

С этих позиций, как представляется, важным является поиск не столько собственно структурных, или структурно-функциональных, сколько структурно-познавательных характеристик различных языков. В этом плане огромный прогресс был сделан с выходом на передовые позиции такой принципиально новой научной парадигмы, как когнитивная лингвистика. Описание структурирования языковых знаний, детализация таких процессов, как концептуализация и категоризация, явились существенным и необходимым дополнением к описанию значимой структуры единиц разных уровней языковой иерархии.

В то же время в сфере традиционной, «не-когнитивной», семантики, в частности, в областях сравнительно-исторического, сравнительно-сопоставительного, контрастивного языкознания имеются существенные наработки по исследованию семан-

тического взаимодействия различных языков, которые когнитивная лингвистика ещё не в силах переработать из-за обилия проблем исследования внутри конкретных, отдельных или близкородственных языков.

На наш взгляд, приходит время, когда становится насущной потребностью синтезировать данные двух фундаментальных подходов к изучению значения языковых единиц в сравнительно-сопоставительном аспекте. Несомненно, едва ли на данном этапе развития сравнительно-сопоставительных семантических исследований можно говорить о каких-то фундаментальных постулатах общеязыковых механизмов структурирования знания, но вполне закономерным представляется вывод некоторых частных универсальных моделей такого структурирования на основе анализа эмпирических данных о семантике единиц конкретных языков.

На наш взгляд, одной из таких универсалий является реверсивность как один из важнейших механизмов формирования речи, отражающийся в структурах различных языков.

Сам термин «реверсивность» (англ. *reversion* – перестановка; изменение порядка на обратный; изменение движения на противоположное; *тех.* реверсия) в лингвистике используется, но прежде всего в виде дериватов от него. В лингвистике под реверсивом понимается глагол с семантикой обратного действия [1, с. 162]. Реверсивный глагол также рассматривается как префиксальный глагол со значением обратного действия по сравнению с действием, обозначаемым производящим глаголом (*вязать – развязать*) [1, с. 105]. Термин «реверсивная параллельная конструкция» употребляется И. Р. Гальпериным для обозначения структур с двумя последовательными предложениями или частями предложений, в которых порядок слов одного из них инвертирован по сравнению с порядком слов в другом [2, с. 209].

В настоящей работе под языковой реверсивностью понимается своего рода возврат к прежнему состоянию ситуации, выражающийся средствами языка, но возврат, не восстанавливающий *status quo*, а ведущий к дальнейшему развитию ситуации, выраженный, тем не менее, средствами языка именно как возвращение «на прежнее место».

На лексическом уровне реверсивные отношения выражаются лишь в результате логической операции импликации. Например, в таких отношениях находятся слова «выстрел» и «откат», или «отдача», поскольку обязательным объективным следствием выстрела из артиллерийского или стрелкового оружия будет его обратный импульс, передаваемый данными словами, а, с другой стороны, откат или отдача без выстрела невозможны (кстати, в английском языке эти оба понятия передаются одним словом *recoil*). В подобных отношениях находятся также эмоционально-оценочные понятия, такие как «обида», «оскорбление» и «месть», понятия, характеризующие противоположные фазы процесса жизнедеятельности (например, «болезнь» и «выздоровление», «сон» и «пробуждение») и другие. Но в этих случаях присутствует несколько иная степень импликации, определяемая категорией модальности. За обидой не обязательно следует месть, а сон иногда не заканчивается пробуждением, в то время как выстрел и отдача связаны отношениями обязательности.

Наиболее четко категория реверсивности проявляется на синтаксическом уровне в виде такой традиционно относимой к стилистическим явлениям модели, как *хиазм*. Именно *хиазм* позволяет глубже вникнуть в суть исследуемой категории и определить ее основные семантические параметры. Семантическую природу *хиазма* очень точно, на наш взгляд, раскрывает Б. Ю. Норман: «*Хиазм* по своей природе многогранен; в нем, как в фокусе, сходятся интересы различных языковых уровней и аспектов. С позиций речевой деятельности, это один из механизмов формирования лексико-грамматической структуры высказывания. Если подходить к нему с точки зрения синтаксиса, то он занимает свое место в ряду конструкций, построенных по принципу синтаксического параллелизма. Его можно анализировать также в связи с проблемой измененного (инвертированного) порядка слов. Если рассматривать *хиазм* под углом зрения лексики, то перед нами – специфическая разновидность лексико-

семантического повтора: развертывание фразы происходит в таком случае за счет единиц, уже (только что) использованных говорящим» [5, с. 184].

Как видно из приведенной краткой, но емкой характеристики хиазма как речевого явления, это многогранное явление. Оно затрагивает не только синтаксический, но и лексико-морфологический уровень. Мы располагаем данными о том, что в рассматриваемых языках хиазм как стилистическое явление может затрагивать и уровень фонетических единиц. Так, например, в известном юмористическом высказывании, построенном по структуре хиазма *Женщины, мужайтесь! Мужчины, женитесь!* юмористический эффект создается комплексом лексико-морфолого-фонетических факторов, и, по нашему мнению, «зерно» такого эффекта во многом создается именно метатезой начальных звуков обращения и глагола в повелительном наклонении. Аналогичный эффект наблюдается и в следующей реверсии узуально зафиксированного в английском языке устойчивого словосочетания *to sell one's soul/birthright for a mess of pottage* (русскоязычный эквивалент: «продать свое первородство за миску чечевицы»), которое является дополнительным средством речевой характеристики несколько экстравагантного в речах и в поведении персонажа, который хочет выглядеть остроумным в кругу своих друзей, произнося следующий каламбур:

“What Barbara means,” Brett said, pouring more Don Perignon, “is that I’ve sold my soul for a mess of pottage.” He glanced around the apartment. “Or maybe a pot of mes-suage” (A. Hailey. Wheels).

По большому счету, синтаксическая реверсивность задается тематическими отношениями и в структурах, не обязательно имеющими выход в стилистический анализ. С этих позиций даже простой общий вопрос типа *Купили мебель?* предполагает структурно реверсивный ответ, отличный от кратких *Да* и *Нет*, в частности: *Мебель купили* или *Мебель не купили*. Как нетрудно заметить, реверсивность в данном случае выражается порядком слов. Реверсивность вопросов в английском языке достаточно четко выражается в виде так называемых *disjunctive questions*, где собственно вопросительная часть представляет собой обратный (реверсивный) порядок главных членов предложения, например *You haven't received my letter, have you?*

В китайском языке наряду с оформлением вопроса специальной частицей *ma* существует, как известно, и другой способ выражения запроса информации, выражаемого реверсивной структурой *V bu V*, где *V* – это глагол, а *bu* – отрицательная частица, соответствующая русскому *не* или английскому *not*.

Как нетрудно заметить, реверсивные лексические и синтаксические структуры являются свойственными различным языкам, независимо от их принадлежности к определенной языковой семье. Но тогда возникает вопрос: насколько релевантно высказанное в названии статьи утверждение о том, что реверсивность является если и не категорией, то, по крайней мере, существенной характеристикой языковой картины мира? Ведь, по определению, «применительно к лингвистике КМ (картина мира) в любом случае должна представлять собой тем или иным образом оформленную систематизацию плана содержания языка» [3, с. 4]. Пока в приведенных примерах реверсивные структуры и единицы, находящиеся в реверсивных семантических отношениях, показывают лишь особенности плана выражения. Несомненно, они имеют определенную специфику при сопоставлении с аналогичными структурами в других языках, но это еще не дает основания утверждать, что различная структурная оформленность, например, общих вопросов в таких языках, как аналитико-изолирующий английский и изолирующий китайский, является показателем особенностей различных языковых картин мира (далее ЯКМ).

На наш взгляд, основания определения реверсивности как важной составляющей ЯКМ следует искать не только в языковых структурах, не только в семантике языковых единиц, а в структуре мышления в целом, безотносительно к тому, менталитет какого языкового социума отражается в подобных структурах. По мнению авторов данной статьи, реверсивность является универсальным свойством, или, точнее, уни-

версальной ментальной структурой. Несомненно, любая попытка доказать обязательность реверсии понятия, суждения или умозаключения сугубо с ментально-психологических позиций заранее обречена на провал, поскольку в настоящий момент такого объективного инструмента, который бы фиксировал моменты не только реверсии, но и конверсии, тождественности ментальных структур, реализующихся в виде непосредственно регистрируемых мозговых импульсов, пока не существует. Поэтому пока единственным критерием существования подобных структур является их отражение в форме структур и единиц языка и речи.

Начнем с анализа единиц морфологического уровня, поскольку план содержания начинается именно с этих единиц. Механизм реверсивности, на наш взгляд, на этом уровне наиболее четко представлен таким явлением, как метатеза. Как известно, метатеза – это, прежде всего, явление диахронического порядка, возникающее в результате определенных диссипативных состояний языкового развития. Точнее было бы сказать, что метатеза проявляется не столько на морфологическом, сколько на морфонологическом уровне, поскольку она сопровождается перестановкой отдельных звуков, имеющих различные фонологические характеристики. Так, в истории английского языка подобный процесс произошел в среднеанглийский период в связи с изменением формы флексии сравнительной степени имени прилагательного, когда древнеанглийская форма этой флексии *-ra* сначала в процессе редукции безударных гласных сменилась на *-re*, а затем произошла собственно метатеза *-er*: д.а. *ieldra* – с.а. *eldre* – н.а. *elder*.

О морфонологической метатезе можно говорить и в аспекте сравнительно-исторического языкознания, поскольку для языков, связанных «семейным родством», этот процесс носит достаточно системный характер. Например, такое явление можно наблюдать при сравнении германских и славянских слов, передающих понятие «молоко», ср. англ. *milk* и нем. *Milch* с чеш. *mléko*.

Несомненно, это также явления структурного порядка, а не плана содержания. Но в анализируемых языках также достаточно частыми являются случаи метатезы значимых компонентов слова или словосочетания. Следует особо выделить, что это метатезы именно содержательного порядка, поскольку дискретные в плане выражения единицы имеют определенный общий семантический признак. Так, в китайском языке часто встречаются своего рода морфемные «перевертыши», которые передают очень близкие или практически идентичные понятия, например, *mifeng* и *fengmi* (мед и пчела). Подобные явления встречаются и в других языках, хотя и гораздо реже, поскольку имеют определенные ограничения, например, стилистического порядка, е.г. в русском языке нейтр. *кошка* и прост. *кошак* (кошка как биологический вид независимо от пола животного). Это уже явления словообразовательного плана.

На лексическом уровне доля звукового совпадения или подобия реверсивных понятий значительно снижается, но зато резко возрастает их общая мотивационная основа. Именно поэтому большая часть семантических реверсивов при различной звуковой форме часто имеет ассоциации по семантической смежности (как в приведенном выше примере *выстрела* и *отдачи*). Поэтому лексическими реверсивами в различных языках являются синонимы и антонимы (*нагревание*: : *охлаждение*, *находка*: : *потеря* и пр.), а на уровне различных ЛСВ одного слова – энантиосемические значения одного слова, имеющие общую семантическую основу (например, англ. *to scan* – а) просматривать бегло и б) просматривать тщательно; *dust* – а) вытирать пыль; б) пылить, осыпать, напылять).

Особо демонстративной, на наш взгляд, является лексико-семантическая реверсивность в оценочной сфере, поскольку сфера квалификации различных понятий зачастую имеет не только противоположную трактовку как со стороны различных носителей языка в зависимости от их индивидуальных убеждений и взглядов, так и в лице отдельного языкового индивида, в различных условиях по-разному относящемуся к определенному лицу, предмету, явлению, событию. Именно поэтому люди по-

разному трактуют такие концепты русской ментальности, как *демократия*, *пьянство*, *богатство* и др. В основе этого, на наш взгляд, лежит различие между ценностью как внезапной в аксиологическом плане ментальной сущностью, и оценкой как непосредственной внешней реализацией ценности в определенных социальных, бытовых и прочих условиях акта семиозиса. С этих позиций ценности в основном получают языковое выражение в форме лексических единиц, а оценки реализуются уже в виде речевых синтаксических структур [6].

По этой причине особую наглядность семантическая реверсивность получает именно на синтаксическом уровне в виде предложений и афоризмов, построенных по уже упомянутой выше структуре хиазма, которую И. Р. Гальперин называет непосредственно «реверсивной параллельной конструкцией» [2, с. 209 – 211]. Именно такие изречения показывают семантическую многогранность ментально-языковой реверсии в интерпретации различных ценностей как в отдельном языке, языковой культуре и, соответственно ЯКМ отдельного историко-этнического социума, так и в универсальной ЯКМ. Так, реверсивная структура присуща многим языковым культурам, начиная с античных народов и кончая современным состоянием умов. Сентенции и афоризмы в форме хиазма звучали в устах многих видных мыслителей, политиков, деятелей культуры, искусства и литературы и тем самым легли в основу современного видения мира с общечеловеческих позиций. В качестве примеров приведем лишь некоторые подобные изречения:

– в Священном Писании: *Как вы хотите, чтобы люди поступали с вами, так и вы поступайте с ними* (Нагорная проповедь); *Суббота для человека, а не человек для субботы* (Ев. От Марка, гл. 2, ст. 27); *Кровь оскверняет землю, и земля не иначе очищается от пролитой на ней крови, как кровью пролившего ее* (Числа);

– в античных культурах: *Умные большому учатся у дураков, чем дураки у умных* (Катон Старший); *Лучше пусть человек нуждается в деньгах, чем деньги в человеке* (Фемистокл); *Если хочешь быть любимым – люби сам* (древнеримская пословица);

– в европейских культурах: *Сначала ты работаешь на свой авторитет, потом авторитет работает на тебя* (Л. Кумор); *Драма делает театр, а не театр драму* (Б. Шоу); *Люди тратят время на то, чтобы делать деньги, тогда как им надо тратить деньги на то, чтобы делать время* (А. Хирдман); *За деньги покупают власть, а из власти чеканят деньги* (С. Цвейг);

– в латиноамериканских культурах: *Мы убиваем время, но время нас хоронит* (Ж. Машаду д'Асис);

– в восточных культурах: *О, деньги! Иногда кажется, что они есть, а их нет; иногда кажется, что их нет, а они есть* (японское изречение); *Тот, кто учится, не размышляя, впадает в заблуждение. Тот, кто размышляет, не желая учиться, окажется в затруднении* (Конфуций); его же: *Если в человеке естество затмит воспитанность, получится дикарь, а если воспитанность затмит естество, получится знаток писания; Умные не бывают учены; ученые не бывают умны* (Лао-Цзы), его же *Потеря есть начало размножения, множества – начало потери;*

– в русской традиционной культуре: *Добро есть то, что никем не может быть определено, но что определяет все остальное* (Л. Толстой); его же: *Глупость может быть и без гордости, но гордость не может быть без глупости.*

Поэтому неудивительно, что многие из подобных изречений к настоящему времени не только потеряли авторство и стали восприниматься как народная мудрость, тем самым пополнив фразеологический фонд языка. Как известно, фразеологические единицы в концентрированной форме отражают основные ценности определенной языковой культуры, отражая те типичные ситуации, которые существуют в данном обществе и в сфере человеческих отношений между членами общества. Тем самым они становятся важными репрезентантами ЯКМ. Фразеологизмы с реверсивной структурой отражают, как правило, те ситуации, когда разные ценности, качества, достоинства могут пониматься с различных позиций как противоположные, например:

Рус. Мальй не дурак, но и дурак немальй; Господи, убереги меня от друзей, а от врагов я сам уберегусь.

Англ. The long and short of it; Horse and foot (Всеми силами); Live and let live (Живи сам и давай жить другим).

Нем. Leben und leben lassen (Живи сам и давай жить другим).

Следует отметить, что два последних афоризма в английском и немецком языках имеют не только одинаковый план выражения (структурную модель), но и одинаковый план содержания, что также подтверждает мысль об универсальности моделей фиксации концептов в разных языках.

Несомненно, можно поспорить, что хиазм – это, прежде всего, стилистическая фигура, и об этом свидетельствует заимствование данного термина из греческой античной риторики. Но на наш взгляд, использование данной структуры в качестве стилистического явления является не причиной появления реверсивности как категории мышления, а наоборот, следствием реверсивности как одной из основных структур мышления и тем самым средства отражения картины мира в языке и речи. Доказательством этому является тот факт, что реверсивные структуры можно классифицировать исходя из семантических категорий. Так, в частности, можно выделить реверсивные структуры и единицы на основе категории залоговости (*Если хочешь быть любимым – люби; Живи сам и дай жить другим*), реципрокации, т. е. возвратности действия (*Любишь кататься – люби и саночки возить*), отрицания (*Мальй не дурак, но и дурак немальй*), т. е. семантических категорий, лежащих в основе грамматической категоризации. Можно сказать, что в целом доля реверсивных единиц и структур на основе семантических структурных и ценностных категорий намного выше, нежели доля сугубо грамматических категорий. В их основе лежит явление семантического контраста как основания важнейшей из ментальных и лингвистических операций – сравнения; в плане морфологическом – возможность употребления дериватов (*умные умны; ученые учены, любишь – люби*).

Контраст может создаваться в реверсивных структурах и в рамках разных языков, если их единицы совмещены в пределах одной синтагмы, для создания определенных прагматических эффектов. В качестве примера приведем фразу школьника из романа известного украинского писателя О. Гончара «Тронка», который, посмеиваясь над отставным майором Яцубой, бывшим начальником концлагеря в ГУЛАГе, в речи которого часто смешиваются украинские и русские слова, пользуется именно этой структурой в высказывании:

Я на нього дивлюсь, а він на мене смотре.

В настоящей статье показаны лишь некоторые основные характеристики реверсивности как явления, получающего отражение в языке и речи на различных уровнях иерархической системы языка. Но, как представляется, данный феномен заслуживает своего дальнейшего развития. Как представляется, реверсивность как механизм формирования речи может быть заложен и в семантической структуре дискурсов определенного типа. Его исследование позволяет заглянуть в те глубины порождения языковых единиц и речевых структур, которые могут вскрывать другие, не менее важные факторы создания ЯКМ как целостного ментально-лингвистического представления о собственной жизни, жизни данного языкового коллектива и всего человечества.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 768 с.
2. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. – М.: Высш. школа, 1981. – 238 с.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: Изд-во ЧеРо, 2003. – 349 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. Норман Б. Ю. Хиазм: от механики к идеологии // Дискурс, текст, когниция: коллективная монография / Отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. – С.184 – 199.

6. Чекулай И. В. Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке. - Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – 236 с.

REVERSITY AS A MODEL OF STRUCTURING KNOWLEDGE (BASED ON MATERIAL FROM RUSSIAN, ENGLISH AND CHINESE)

I. V. Chekulai
O. N. Prokhorova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
chekulai@bsu.edu.ru
prokhorova@bsu.edu.ru*

The article covers the problem of reversion as one of the linguistic phenomena that helps to represent language view of the world. In the article the authors try to prove that it is a universal feature typical of all languages represented by specific language structures in particular language.

Key words: reversion, the levels of the language, language view of the world.